

КОГДА СОЛНЦЕ РЯДОМ

Рассказ

Здравствуй!

Я вздрогнул и обернулся. Передо мной стоял мальчик, как было не дивиться! По таежной реке на сотни километров вокруг не было жилья, а рыбачил я на острове, который явно был необитаем...

Трудно сказать, сколько было мальчишке лет. Восьмой или десятый раз увидел он летнее солнце, этого тайга не считала. Но и походка, и одежда говорили, что это ее сын, а таежный человек в детстве кажется старше, взрослым — моложе.

— Откуда ты?

Он молчал. В его темных чистых глазах светился еще не ясный мне огонек. Вдруг мальчик заговорил:

— Мать в чуме осталась. За протокой. Отец — каюр, тайга ходит. Геолог нужный камень смотрит — отец оленчиков аргишит.

— Как ты сюда попал? — Он опять посмотрел на меня глазами, в которых светился незнакомый огонек.

— Не понимаешь? На ветке пришел. Маленькая лодка — мотор, как ты, не надо. Вчера вечером твой мотор слышал, твой костер видел... Зачем рыбачишь мой остров? — в голосе его звучала досада.

— Твой? — я еще раз удивился. — Прости, но я не знал, что это твой остров...

— Ружье есть?

— Нет.

— Ты один?

— Один.

— Ладно, рыбаць, — разрешил он мне. И пошел к скалам на Острове, где зеленели молодые лиственницы, а внизу тянулись рябинки и плескалась по ветру березка. Я подумал, что он хочет развести костер, и не обратил внимания, куда он направился. Но когда я минут через сорок поднялся к скалам, мальчика нигде не было. Его лодка виднелась внизу на песчаной косе. Дымок от костра нигде не вилял. Ничего еще не понимая, я улыбнулся солнцу, которое поднялось над правым берегом и все щедрее грело. Я не успел даже спросить, как зовут мальчика.

Солнце поднялось к полудню. Я спустился к береговым камням, набрал плавнику, развел костер, почистил пойманную рыбу. Когда вода закипала, незнакомец вновь вырос передо мной, словно выйдя из голубой полосы дыма.

— Хариус? — кивнул он головой на котелок. — Хорошая уха. Я не стал спрашивать, где он был.

— Твой остров... — возобновляя беседу, начал я. — И часто ты здесь бываешь? — Он молчал. Глаза отсутствующе смотрели на догорающий костер, на готовую уху.

— Ты рыбачишь? — спросил я его.

— Зачем здесь рыбачить... Мест много.

— А как зовут твой остров? Он долго молчал.

— Зовут его, как меня, — последовал наконец ответ.

Я понимал: мальчику хотелось, чтобы я поскорее ушел из его владений. Мое присутствие чем-то стесняло его, беспокоило. Я предложил похлевать ухи, и он не отказался.

Вскоре я отправился на моторке туда, где белела палатка и меня ждали товарищи.

— До свиданья! — крикнул я напоследок.

— Прощай! — послышалось в ответ, из которого было видно, что маленький хозяин острова не ищет новой встречи со мной.

Я не сказал товарищам об этой встрече.

На другой день я поплыл к протоке, где виднелся дымок от чума. Мальчика на берегу и в чуме не оказалось. Мать ответила с досадой:

— Не знаю, куда ходит. Рыбачить надо, а он бежит на остров, ветку туда гоняет. Отец вернется — шибко сердиться будет.

У каюра своя жизнь, а мать далеко от чума, от младшей дочурки не отлучиться, вот малец и отбился от рук.

Мы ушли в верховья таежной реки. Все лето я думал о маленьком островитянине. Лишь в конце августа удалось заглянуть на знакомые места. Вертолет не смог забрать всех из нашей партии, и я решил сплыть лодкой вниз.

На берегу протоки я услышал голоса. Мужской хриповатый голос звучал недовольно

— Аргишить отсюда надо. Ты совсем испортился. Рыбачить не хочешь, олешков следить не хочешь. Все остров бегаешь.

Мальчишеский голос в чем-то оправдывался.

Они слышали мои шаги. Навстречу бросились собаки, но тут же вслед за окриком смолкли.

— Здравствуйте! — сказал я.

— Здравствуй! — односложно ответил хозяин чума. Закурили. Сидели долго. Морщинистое лицо хозяина ничего не выражало. Казалось, он дремлет.

— Так плохо, — вынув изо рта трубку, продолжил прерванный разговор пожилой мужчина, отец мальчика. — Сам остров ходит — меня не водит. Мой, говорит, остров. Чего-то нашел, но ни мне, ни мать не скажи. Никому не скажи. Так плохо. Зачем от людей прячешь? Русский человек посмотрит, в Москве скажет — всей тайге хорошо будет.

Мальчик глянул на меня. Молча поднялся. Тронул мою руку. Улыбнулся черными глазами, едва приметно кивнул. Мы вышли к протоке, сели в мою лодку с подвесным мотором. Сошли на острове.

У подножия скал давала тень ольха. На осыпях чернела смородина. Береза начала желтеть. Мы зашли в самую гущу ольшаника. Мальчик исчез. Но вот послышался его голос — какой-то приглушенный, словно он шел из пещеры. Я нагнулся и увидел вход. Он был узок. Когда я протиснулся в темноту, — слабый свет проник сюда через вход.

Это была даже не пещера, а пустота в породе. На Урале это зовется «занорышем». Стены были усеяны кристаллами. Какими? Мальчик не знал. Он схватил меня за руку в ожидании того, что я скажу, увидев его тайну.

Первой нашла «занорыш» река. Весенняя большая вода размыла входное отверстие. Мальчик пришел потом как искатель, как полноправный хозяин.

Что же сказать ему?

Я тоже узнал не все кристаллы, хотя они со всех сторон пристально всматривались в меня. Вот это — хрусталь. Он был чист и прозрачен. Крупные кристаллы переходили в мелкие, цвета фиалки. Это — аметисты.

Кремневые натеки образовали шершавые голубоватые сосульки с торчащими сталагмитиками под ними. Двух минералов я совсем не знал...

Ведь это же был Север, где вулканические породы имеют свои сюрпризы. Не узнал я перламутровые щеточки, висевшие по стенкам. Позже мне сказали, что это гейландит. А рядом блестели многогранники, очень похожие на гранат, только молочно белые. Потом я запомнил их красивое название — анальцим. Тут же был и дитя северных лав и базальтов — кальцит, то тусклый, то просвечивающий. И круглые анальцимы, как сказочные бусы, сидели прямо на гранях кальцита! В тишине билось два замороженных сердца.

— Видишь? — спросил мальчик. — Как я их трону? Кому скажу? Плохой человек придет — ломать будет! Тебе зачем сказал? В Москву повезешь, да?

Многие образцы имели бы ценность и для большого музея. Но геологического молотка

у меня с собой не было. Разрушать эту красоту казалось кощунством.

— Вот что, — заговорил я с хозяином «занорыша». — В Москве скажу, а сейчас ничего ломать не будем. Твой остров. Твоя пещера. Владей ею, а придут сюда ученые — они только чистый камень искать будут, значит, его в тайге много. Скажи мне, а что ты здесь делал каждое утро? Смотрел?

— Смотрел, да.

По привычке я полез в карман за пачкой папирос. Но не закурил. Среди этой красоты закурить казалось непочтительностью.

Мы выбрались из пещеры. Сидели молча на сухой валежине.

— А помнишь, ты испугался, что я узнаю твою тайну? Я тогда так и не узнал, как зовут тебя. И твой остров... Ты только ответил про остров: «Зовут, как меня...».

— Меня зовут Дылача, — сказал мальчик. — Остров я сам так назвал.

Слово было знакомое, чистое, светлое. Дылача — по-эвенкийски солнце.

— Дылача, кем ты будешь? — спросил я.

— Пожалуй, каюром не буду, — ответил он в раздумье. — Геологом аргишить буду!

Теперь я хорошо понимал тот огонек, который светился в его черных глазах. Рядом с ним вся тайга казалась омытой утренним солнцем.

